

И. О. ГАВРИТУХИН

ФИБУЛЫ ВИЗАНТИЙСКОГО КРУГА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (литые дунайско-иллирийские)¹

При всем разнообразии и даже пестроте деталей рассматриваемые застёжки объединяют несколько признаков. Это двучленная конструкция, арбалетовидная пружина (лишь на производных от рассматриваемых, днепровских широкопластинчатых, типичен шарнир) с нижней тетивой, подвязной или имитирующий подвязку приемник и, что особенно характерно, приемник, далеко отставленный от ножки, что в профиле дает ему “подпрямоугольное”, “U-образное” очертание. На это обратил внимание еще О.Альмгрен, выделяя подобные фибулы в 160 тип своей VI группы [1, с. 77]. Концентрация подобных изделий приходится на подунайские провинции Византии, но немало их и в зонах, где сказывалось влияние культуры населения этих земель, что отражено и в достаточно широко распространенных названиях некоторых из рассматриваемых вещей: “византийские литые”, “византийские варваризованные” и т.п. Нами используется название, которое недавно предложено одним из лучших знатоков вещей этого круга Дж.Янковичем – “дунайско-иллирийские”, как более конкретное, в сравнении с упомянутыми терминами, ведущими начало от работ Й.Вернера и некоторых его последователей.

Данная работа является первой в ряду исследований, посвященных изучению северовосточной периферии указанных вещей. Такая направленность исследования и труднодоступность балканских и средиземноморских материалов – причины того, что по отношению к собственно византийскому материалу оно имеет историографически-рефлексивную форму, подчиненную анализу восточноевропейских находок².

---

¹Часть 1 и основа части 3 данной статьи являются текстом и материалами к докладу, прочитанному на конференции “Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.)”, прошедшей в Алуште в сентябре 1994 г. В части 2 приведены дополнения, внесенные в 1995-1996 гг., их использование в части 3 оговорено в ссылках.

² В качестве одной из частей данной работы можно рассматривать очерк о подвязных фибулах из Гапоновского клада, опубликованный в качестве части 2.2 в книге: Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996, с. 38-40.

Некоторые вопросы изучения литых фибул иллирийско-дунайской группы

Наиболее типологически компактная часть фибул византийского круга иллирийско-дунайской группы отлита в двусторонней форме. Для обозначения этой подгруппы к названию группы добавляется характеристика "литые". Одной из первых развернутую характеристику этих застёжек дала С.Уенце [2, с. 487-494]. Кроме выделения характеристик подгруппы, она показала, что основная масса находок таких фибул связана с византийскими укреплениями на северо-востоке Балкан, производство этих изделий прекращается в связи с разгромом дунайского лимеса, а по монетным находкам их дата приходится, скорее всего, на последнюю треть VI века. В отношении происхождения рассматриваемых фибул С.Уенце ограничилась указанием на то, что их следует рассматривать в контексте типологического развития подвязных и ссылкой на варварские подвязные фибулы с кнопкой на головке.

А.Бежаном [3, с. 257-278] была опубликована коллекция интересующих нас литых фибул из Тимишоарского музея, в том числе необработанные после отливки экземпляры из Дробеты (судя по сноскам, к моменту завершения работы статья С.Уенце осталась ему неизвестной). Кроме указания на провинциально-римский источник техники отливки в двусторонней форме и довольно представительный каталог (немаловажную роль в его составлении сыграла публикация З.Вински [4]), значение этой работы в том, что был поставлен вопрос о конкретных центрах производства рассматриваемых вещей. Это, естественно, потребовало типологического расчленения находок. Основой для выделения вариантов послужили отличия в пропорциях, то есть соотношении длины ножки и дужки фибул. У варианта 1 эти длины приблизительно равны (по особенностям орнаментации этот наиболее многочисленный вариант подразделяется на подварианты); у варианта 2 ножка заметно короче дужки; у варианта 3 – наоборот. В особый вариант 4 выделены фибулы аналогичных форм, но изготовленные (очевидно, ковкой) из железа. Варианты 2 и 3 рассматривались как локальные вариации, а 4 – как объединяющий упрощенные подражания бронзовым образцам. Без детальной аргументации для вещей предлагалась широкая дата: VI – начало VII вв. Вопрос об истоках таких форм и их соотношении с другими типами фибул для румынского ученого достаточно жестко не стоит, поскольку изучаемые фибулы рассматриваются как одна из страниц древней и многообразной традиции романизованного (романского) населения Подунавья.

Самый полный свод византийских фибул (в том числе и литых дунайско-иллирийских), встреченных на территории Румынии, принадлежит Г.Дан Теодору [5, с. 197-233]. Он дополнил типологию А.Бежана, в основном, несколькими специфичными или редкими формами. Но эти наблюдения не были применены в исследовательской части работы, сведенной, в основном, к аргументации позиций, близких А.Бежану. Наиболее подробно рассматривалась хронология, определяемая от эпохи Юстиниана до первых десятилетий VII в. или, если смотреть на таблицу в тексте, около 550-650 гг. Следует отметить, что даты, предложенные для памятников включенных в систему, не всегда убедительны, а полученные различия в хронологии отдельных экземпляров не интерпретировались.

Важной вехой в изучении интересующих нас фибул являются работы Дж.Янковича [6, с. 171-181; 7]. Он постарался сделать эти изделия важным источником исторических реконструкций, предложив их гибкую и дробную типологию с учетом сечения дужки, размеров, орнаментации. Для полученных вариантов была предложена, в основном,

хронологическая интерпретация, основанная на оценке ситуации в византийском Подунавье VI века, хотя некоторые отличия фибул рассматривались и как локальные. Возникновение византийских литых фибул связывалось с экономическим подъемом, в том числе и разработкой медных рудников, в эпоху Юстиниана. А дальнейшее развитие – с деградацией исходных образцов по мере крушения создававшегося лимеса, что выражалось в уменьшении размеров литых фибул и их вытеснении подвижными, связанными с “варваризованной” переработкой “византийских” фибул и собственно варварской, германской по происхождению, традицией. Концептуальные узлы этой позиции были поддержаны и подкреплены дополнительными наблюдениями Е.А.Горюнова и М.М.Казанского [8, с. 25-31].

Им возражал О.М.Приходнюк [9, с. 71], указавший, что пластинчатые подвижные фибулы не чужды византийским крепостям на Дунае в VI веке, а это лишает его оппонентов строгих хронологических аргументов. С точки зрения типологии, декоративный характер ложных витков у литых фибул заставляет вернуться к вопросу об их прототипах среди подвижных. Однако, предлагаемая киевским археологом схема “закономерного” упрощения технологии в связи с “массовым производством”, вызвавшим переход от кованных, то есть подвижных, к литым, остается априорной. Не говоря уже о предположении про зарождение византийских фибул у “продолжающих черняховские традиции” славян. Следует отметить, что рассматриваемые фибулы отливались в двусторонней форме, а для этого требуются технологии более сложные в сравнении с ковкой. Вопрос же о происхождении специфической профилировки приемника рассматриваемых Дж.Янковичем фибул, отсутствующей у застежек черняховской традиции, О.М.Приходнюком просто обходится.

Е.Генчева [10, с. 30-36], опубликовавшая находки из Южной Болгарии, в аналитической части своей работы еще раз обратила внимание на неясность вопроса о происхождении дунайско-иллирийских литых фибул, их концентрацию в северной части Болгарии, сложный характер соотношения фибул VI-VII вв. с варварскими подвижными и литыми провинциально-римскими III-IV вв.

Огромный материал из ряда музеев Северной Болгарии вводится в научный оборот А.Хараламбиевой [11, с. 29-40; 12, с. 42-63; там ссылки и на прочие работы]. Очевидно, эта работа не завершена, возможно потому ее аналитические отделы весьма скупы. В вопросах типологии болгарская исследовательница опирается, в основном, на работы Дж.Янковича. Стараясь избежать априорных построений, она сделала классификацию более формально жесткой, положив в основу выделения вариантов сечение дужки, а прочие признаки учитывая лишь при характеристике отдельных экземпляров. Не рассматривая полученные варианты как показательные для хронологии, она обсуждает лишь датировку группы в целом, определяя ее на основании единичных узко датированных находок в рамках второй половины VI в. Интерпретация вариантов, вопрос о происхождении литых византийских фибул и другие А.Хараламбиевой пока не рассматривались.

Публикуя фибулы из коллекции В.Кулича, Ф.Курта [13, с. 37-97] рассматривает их, прежде всего, как основу хронологической системы. Обзор некоторых оснований для датировки привел этого автора к распространенному выводу о бытовании литых дунайско-иллирийских фибул во второй половине VI в. А попытка выделить для румынских находок предельно узкую хронологию (около 560-575 гг.) выглядит весьма схематичной. Во-первых,

поскольку не анализируются варианты, а группа рассматривается как целое; во-вторых, поскольку сам метод механического пересечения нескольких единичных дат не может заменить анализ всего материала; наконец, исключение из рассмотрения нерумынских находок в данном случае не оправдано, во всяком случае, никак не обосновано.

Предпринятый обзор показывает, что в области изучения интересующих нас фибул много сделано. Важнейшими проблемами дальнейших исследований являются выделение локальных и хронологических серий и вариантов, рассмотрение их соотношения между собой и с фибулами иных групп, вопрос о происхождении и нижней хронологической границе византийских литых застёжек.

Учитывая, что часть рассматриваемых фибул не опубликована или опубликована неудовлетворительно, предлагаемые ниже разработки по их типологии базируются на трех весьма представительных и лучше других опубликованных коллекциях: 1) из района Железных ворот (публикации А.Бежана и Дж.Янковича); 2) из Садовско-кале и Големаново-кале (С.Уенце); 3) из Варненской области (А.Хараламбиева). Естественно, такой подход не может претендовать на полноту отражения материала, но вполне пригоден для формулировки и проверки некоторых методик работы с ним.

Среди византийских литых фибул можно выделить ряды очень близких по всем деталям изделий, что отмечалось в литературе и продемонстрировано совпадением многих характеристик полуфабрикатов из Дробеты. Очевидно, мы имеем дело с массовым производством, вероятно, использовавшим имеющиеся изделия для шаблонов. Накапливающиеся изменения при таком процессе сводятся к постепенной утрате четкости некоторых деталей (это может компенсироваться доделкой форм вручную, что приводит к изменению некоторых особенностей вещей) и малозаметному уменьшению размеров изделий. Исходя из сказанного, выделение узкого варианта, помимо совпадения пропорций (этот признак положен в основу классификации А.Бежана и, несомненно, должен быть учтен; для удобства выделенные на его основании классы будут именоваться "типами", а не "вариантами", как у А.Бежана), подразумевает близость или полное совпадение особенностей сечений, то есть объемных характеристик вещей, а также размеров (что было предложено Дж.Янковичем).

Описание по указанным признакам фибул типа I из упомянутых коллекций отражено на графике (рис. 1А). Очевидно, что каждый из вариантов, выделенных по форме сечения дужки (сечение ножки менее показательно, поскольку она заметно менее массивна и ее объемные характеристики подвержены большим вариациям), образуют ряды близких по размерам фибул. Это и определяет варианты, каждый из которых отражает фибулы, изготовленные по одному или близким образцам. Шифр варианта включает цифровое обозначение характера сечения (для единообразия – по наиболее упорядоченному списку А.Хараламбиевой) (рис. 1Б), а также, после точки, обозначение подборки близких по размерам экземпляров, отражающее их длину с учетом градации до 5 мм (этот интервал установлен эмпирически – см. разбросы и скопления значений на графике).

Например, вариант "2.70" обозначает, что включенные в него экземпляры имеют трапециевидное сечение спинки и длину около 70 мм, вариант "4.45" значит, что сечение спинки близко овалу, а длина фибулы около 45 мм и т.д. Причем, принадлежность варианту устанавливается не столько механической близостью измерению, названному в отметке, сколько реальным распределением измерений длины близко связанных экземпляров.

Например, из приведенного графика наглядно видно, что вариант 4.40, наиболее распространенный в Варненской области, имеет разброс длин от 43 до 38 мм, а встречающийся чаще у Железных ворот вариант 4.45 имеет разброс длин от 47 до 45 мм, и т.д.

Еще более дробный уровень классификации должен учитывать повторяемость и эволюцию индивидуальных особенностей. Обозначение специфических деталей не целесообразно формализовать, удобнее вводить в наименование варианта имя собственное. Например, вариант "2.65. Оршова" отражает не только общность экземпляров по признакам трапецевидное сечение спинки и размеры 67-65 мм, но и ряд иных особенностей, в данном случае – наличие двух поперечных валиков на ножке. Выделение столь дробных вариантов зависит от представительности и степени изученности коллекций, а потому не всегда возможно.

В соответствии с апробированным в ряде работ словоупотреблением [14, с. 7-8; 15, с. 128, прим. 5; 16], близкие по ряду показателей варианты объединяются в серии, отражающие круг взаимосвязанных мастерских. Например; на рис. 3 помещены фибулы вариантов 2.60; 2.55; 4.50. Скорее всего, перед нами пример эволюции изделий одного круга. Фибулы, расположенные в нижнем ряду, имеют четкие грани как на спинке, так и на ножке, выделяются они и наибольшими размерами. Для дальнейшего производства более значимыми оказались вещи, похожие на экземпляр из Оршовой (рис. 3, 10). Меньшие по размерам экземпляры повторяют его декорированные ножки поперечными валиками, у некоторых из них грани становятся менее отчетливыми или, на ножке, пропадают вовсе (средний ряд рис. 3). Сглаживание граней компенсируется появлением разнообразной гравированной орнаментации на спинке, фибулы становятся менее строгими и изящными, зато более нарядными. Экземпляры из верхнего ряда рис. 3 еще меньше размерами и почти полностью утрачивают "граненность" корпуса, его орнаментация сохраняется, но становится схематичнее, проще, появляется больше штампов, пропадает сложная гравировка, четкие поперечные валики на ножке и по краю приемника схематизируются или заменяются более сложными композициями: из нескольких расположенных рядом поперечных валиков, иногда – насечек. Подобный анализ – один из возможных путей объединения вариантов в серии.

Идею об уменьшении размеров как хронологическом показателе высказал Дж. Янкович. Он объяснял это необходимостью экономить сырье в условиях ухудшения экономической ситуации, а потому рассматривал выделяемые им варианты 2, 3, 4 (определяемые длиной от 60-70 до 40-45 мм) как хронологически последовательные. В предлагаемой здесь типологии уменьшение размеров объясняется постепенным сокращением пространства в форме для новых экземпляров, при использовании бытующих образцов в изготовлении формы. Это исключает резкие перепады в последовательном ряду незаметно уменьшающихся размеров.

Вполне вероятно, что при рыночном производстве размеры изделий отражали и просто физические параметры потенциальных покупателей. В этом отношении показателен несомненно одновременный, происходящий из одной мастерской набор полуфабрикатов из Дробеты. В четырех наиболее хорошо сохранившихся блоках отливок (т.е. в четырех формах) изготовлялось, помимо прочего, 9 штук фибул (их параметры отражены на рис. 1). 5 штук принадлежит варианту 2.65 – это самый "ходовой" размер, 2 штуки варианта 2.70 предназначались, по-видимому, наиболее высоким, 2 штуки варианта 2.60 –

низкорослым покупателям. Наконец 1 экземпляр варианта 2.45 мог предназначаться подростку или для использования в каком-то ином, менее употребительном костюме. В приведенном примере мы видим еще один путь объединения вариантов в серии, который должен учитываться и при изучении материалов, где не встречено счастливых находок подобных дробетской.

Потребительские “стандарты”, конечно, не были универсальными. Например, рис. 1 показывает, что на востоке Нижней Мезии (Варненско) наиболее употребительные размеры в целом уступают тем, что распространены на северо-западе Прибрежной Дакии (Железные Ворота). Из возможных объяснений этому антропологическое кажется маловероятным. Скорее следует предполагать локально-культурные или хронологические основания отмеченного феномена.

С учетом сказанного на базе трех упомянутых коллекций можно предположить наличие нескольких серий (реконструируемые взаимосвязи отражены на рис. 1А). ДРОБЕТСКОЙ, выделение которой обосновывалось в приведенных выше примерах. ВАРНЕНСКОЙ, объединяющей варианты 1.60, 1.55, 1.40. Вариант 3.40 принадлежит, вероятно, особой ГОЛЕМАНОВСКОЙ серии. Варианты 4.45 и 4.40, формально близкие, судя по локализации и некоторым деталям образцов, скорее всего, принадлежат разным сериям, тем более, что овальное или полукруглое сечение корпуса может получаться в ходе упрощения иных форм сечений. Составление полного списка серий, анализ их взаимоотношений, прототипов, образующих их вариантов – предмет особой работы.

Специального внимания заслуживают выделяемые А.Бежаном и другими авторами маленькие фибулы, ножка которых украшена рельефным крестом или напоминающей его композицией. Варианты сечения спинок этих застежек различны. Украшение ножки крестом – не редкость на разных византийских фибулах VI века, возможно, под их влиянием этот мотив отразился и на разных сериях литых фибул, дав конвергентно схожие формы. Хотя, этот вопрос требует дальнейшего изучения, ведь почему-то кресты встречены пока лишь на ножках литых фибул малых размеров. В этой связи, возможно, Дж.Янкович прав, когда предполагал, что уменьшение длины отражает хронологические изменения. Но едва ли, как думал он, из-за экономии металла, ведь иные группы фибул и прочие изделия не становятся в ходе второй половины VI века заметно меньше. Скорее, мы имеем дело с какими-то изменениями в костюме, где фибулы в большей степени играют декоративную роль и не требуют массивности.

Все рассмотренные выше образцы, несмотря на разнообразие в деталях, все же весьма типологически монолитны (пропорции типа I; отсутствие или вполне компактный набор приемов орнаментации и т.д.). Такова большая часть известных византийских литых фибул, образующих наиболее представительный нижнедунайский круг серий.

Датировка нижнедунайских находок рассматривалась неоднократно. В настоящее время не вызывает сомнения широкое распространение таких изделий в последней трети VI века. Особой заметки требует находка в источнике Св.Троицы в Брацигово. Кроме украшений там найдено около 170 монет. С.Уенце отмечает монеты Юстина II и считает их показательными для датировки фибул. Следует отметить, что помимо ранних монет в данной коллекции присутствует практически весь последовательный ряд восточноримских императоров от Константина Великого. Более всего монет Констанция II и Юстиниана, что может иметь объяснение в длительности правления этих императоров, активности

чеканки или других факторах. Монеты Юстина II (565-578 г.) – финальные в этом наборе. Таким образом, в данном случае речь может идти о завершении набора из источника, по всей видимости, не позднее 578 г. и об этой дате, как *terminus ante quem* в отношении фибул и прочих вещей. Следует отметить и то, что большая часть находок фибул с монетами сделаны в слоях разрушения крепостей и отражают время наиболее активного “выпадения”, “археологизации” рассматриваемых вещей. Это несколько искаженное отражение времени их бытования. Поэтому предлагаемая многими исследователями дата – около второй половины VI века, а не последняя треть этого столетия, выглядит достаточно убедительной. Учитывая же возрастание активности византийцев на Дунайском лимесе в эпоху Юстиниана, вполне вероятно связывать распространение интересных нас вещей с временем его правления, что отмечалось Дж.Янковичем и другими исследователями. За предпочтение “широкой” даты “узкой” свидетельствуют и факты починки литых фибул, отмеченные, например, Д.Хараламбиевой. Потому в данной работе, как вполне реальная для основной массы изделий, принадлежащих нижедунайским сериям, принимается дата “середина – вторая половина VI века”.

Решение вопроса о происхождении византийских литых фибул может опираться на ряд высказанных в литературе наблюдений. Во-первых, их производство связано с достаточно сложной технологией литья в двусторонней форме. Ее активное использование при производстве фибул в римских провинциях прекращается около рубежа IV и V вв. или в начале V в., хотя эта традиция и не пропадает вовсе. У варваров такая технология не имела распространения. Во-вторых, рамчатая ножка и валики у ее перехода в спинку на рассматриваемых вещах указывают на участие в круге прототипов каких-то подвязных фибул. Наличие кнопок на головке позволяет сузить искомый круг до нескольких типов Т-образных (по терминологии А.К.Амброза) застёжек и прогнутых подвязных с кнопкой на головке, отмеченных С.Уенце. Однако, у литых дунайско-иллирийских фибул дужка заметно шире ножки, что для подавляющего большинства подвязных фибул не характерно. Не меняют ситуацию и фибулы типа поздних вариантов лебяжинской серии (группа 15-VI/4 по А.К.Амброзу [14]). Хотя их спинка расширена, тонкая пластина, из которой делался корпус таких застёжек, и широкое кольцо для крепления оси пружины практически не совместимы с головной кнопкой, да и распространены фибулы лебяжинской серии там, где литых византийских не найдено.

Важная особенность дунайско-иллирийских фибул, как литых, так и многих разновидностей подвязных – широкая щель приемника. При ношении это создавало эффект как бы торчащей из плеча ножки. Сходное впечатление производили, например, фибулы группы VII по О.Альмгрену, что в отношении типа Монструозо отмечено Т.А.Щербаковой и М.Б.Щукиным [17, с. 42]. В принципе, тому же образу соответствовали и некоторые фибулы с завитком или кнопкой на конце приемника, и фибулы иных групп, как, например, на рис. 4, 6-9. Последние важны и тем, что показывают подобный прием ношения застёжек в Империи. Однако в массовом производстве на конструкции римских фибул III-IV вв. и у варваров в IV в. описанная мода не отразилась. Лишь с середины, а в основном – со второй половины V в. как в Империи, так и у варваров начинается процесс заметного увеличения длины ножки [18]. О том, что эти морфологические изменения вероятнее всего отражают новый пик моды на торчащую ножку, свидетельствуют и изобразительные материалы (рис. 4, 4, 5), и вновь распространившееся украшение конца

ножки многих фибул кнопками, завитками, загибание ножки вперед. Вероятно, появление широкой щели приемника – конструктивное нововведение в рамках того же стиля ношения фибул.

Областями, где наиболее активно и многообразно происходил синтез варварских, по преимуществу германских, культурных традиций с позднеримскими в V-VI вв. были Северо-западные Балканы и северо-восток Италии. Среди ряда своеобразных серий фибул, причудливо сочетающих различные культурные элементы (о некоторых см. [19]), здесь можно указать и вероятные стилистические прототипы интересующих нас фибул: подвязные имитации Т-образных, как с раздутой, рельефной (рис. 4,9,12), так и с плоской спинкой [например: 4, табл. XXXIII], "воинские" с кнопкой на головке, с широкой спинкой и узкой ножкой (рис. 4,10-11,13,14). Первые реплики описанного стиля, выполненные в литой двусторонней форме, вероятно, не были многочисленными. И искать их надо среди своеобразных экземпляров по ряду признаков, близких упомянутым выше. В оформлении для них характерна обильная орнаментация, как гравированная, так и за счет рельефной поверхности корпуса. К признакам, помогающим выделить архаичные изделия, относятся, по-видимому, небольшое количество псевдовитков у перехода ножки в спинку и удлиненная ножка – вариант 3 по А.Бежану (здесь – тип III, см. рис. 4,1-3).

К середине VI века мода на длинную ножку отходит, хотя единичные образцы могут бытовать довольно долго. Последние хорошо датируемые экземпляры: на мозаиках в Равене – у свиты Юстиниана и Феодоры, изображенных в церкви Сан Витале (рис. 4,5), некоторые воинские фибулы первой половины VI века [18]. Возможно, именно широкая щель приемника, "поднявшая" ножку, сделала излишней ее удлинение. Показателен в этом отношении набор фибул из Вольтаго (рис. 4,3; 6,12). Как раз на эту эпоху (около середины VI века), вероятнее всего, приходится начало массового производства литых дунайско-иллирийских фибул, основная масса которых, сделанная во второй половине VI в., имеет пропорции типа I. Не исключено, что на это повлияло и то, что наиболее активное производство многих рассматриваемых фибул связано с северо-восточными балканскими провинциями Византии, где фибулы с длинной ножкой не были распространены в той же степени, как западнее.

Приведенные наблюдения о происхождении литых византийских фибул, конечно же, дискуссионны. Их действительная проверка требует разворачивания в конкретную картину развития и взаимодействия многих групп застежек Византии и варваров на протяжении V-VI вв. Несмотря на неизбежный схематизм, сказанное выше было необходимо, поскольку без формулировки отношения к вопросам происхождения и эволюции рассматриваемой группы фибул трудно понимать ее как целое, а без этого невозможно оценивать экземпляры, являющиеся непосредственным предметом данного исследования.

Новые исследования дунайско-иллирийских литых фибул

После того, как данная работа была закончена, у меня появилась возможность ознакомиться с двумя исследованиями, имеющими к затронутым вопросам самое прямое отношение. Во-первых, это очерк о фибулах, написанный С.Уенце в связи с полной публикацией раскопок византийских крепостей в районе Садовца [20]. Из наблюдений, изложенных в этой книге, прежде всего следует отметить концепцию происхождения литых дунайско-иллирийских фибул. Областью, где сформировались их прототипы, немецкая исследовательница считает Западные Балканы, где известны подвязные фибулы с более широкой, чем ножка, спинкой и профилировкой приемника, типичного для образцов

дунайско-иллирийской группы. Район Железных ворот оценивается не только как один из крупнейших центров производства литых фибул, но и в контексте ареала, где происходила переработка подвязных застёжек в литые.

Показательна и более широкая датировка литых фибул. С.Уенце вернулась к идущей от З.Вински и Дж.Янковича хронологии в рамках середины – второй половины VI в. (от Юстиниановского времени, в основном со второй половины его царствования, до крушения лимеса в конце столетия). При этом, признаётся параллельное существование как литых, так и подвязных дунайско-иллирийских фибул. Исследовательница не предложила систематической типологии литых фибул, но отметила необходимость учета сечения дужки и орнаментации для более детального рассмотрения этого массива.

Другая, важная для нашей темы работа, это диссертация Дж.Янковича³. Свои работы 1970-х гг. этот автор оценивает как не бесполезные, хотя и отчасти “наивные” в отношении предложенной там схемы. Разбирая вклад других исследователей, югославский учёный обращает внимание на работы З.Вински, собственно говоря, положившего начало действительному изучению дунайско-иллирийских фибул как особого феномена. Выделяются также статьи А.Бежана и С.Уенце, хотя в отношении последней отмечается “наивность и тенденциозность” в оценке роли германской культуры на Балканах.

В вопросах понимания происхождения дунайско-иллирийских фибул Дж.Янкович считает важным анализ сохранившегося в Восточной Римской империи производства Т-образных фибул. В качестве хронологических рамок массового производства литых дунайско-иллирийских принимается дата около 535-585 гг., то есть от времени активизации деятельности Юстиниана на Балканах до аварских погромов в подунайских провинциях Империи. В рамках данного отрезка датировка типов и вариантов определяются исходя из их эволюционно-типологической оценки.

По новой типологической схеме белградский исследователь выделяет разряды, опираясь на сечение дужки, особо выделяя разряд фибул с крестовидно украшенной ножкой. Более дробные подразделения определяют длина изделий, количество ложных витков, проработанность деталей, прежде всего кнопки, и особенности орнаментации. Сочетание указанных признаков позволяет выделить варианты, представленные очень близкими образцами. Важное место отводится учету провинций, где сосредоточены находки того или иного варианта. Как один из наиболее архаичных рассматривается вариант с прямоугольным сечением дужки, 11-ю ложными навивками, длиной 55-58 мм. Он имеет довольно широкое распространение, прочие разновидности этого разряда, в том числе и крупные, рассматриваются как локальные, производные формы. Разряд с трапециевидным сечением спинки появляется не ранее изделий с прямоугольным сечением и служит базой для возникновения фибул разряда с полукруглым сечением спинки. Кроме указанных разрядов выделяется и ряд особых форм.

Типологическая последовательность, по мнению Дж.Янковича, указывает на невозможность появления производных форм ранее исходных, но не исключает их совместного бытования и, на определенном отрезке, по-видимому, одновременного производства. С аварскими разгромами середины 80-х гг. VI в. связано прекращение массового производства, но не изготовления таких вещей совсем и, конечно же, эти события не исключают более позднего использования дунайско-иллирийских литых фибул.

³ К сожалению, рукопись этого замечательного исследования осталась неопубликованной. Я благодарен Дж.Янковичу за присланную копию главы об украшениях и позволение использовать ее материалы.

Подвязные фибулы этой группы оцениваются как варваризованные изделия, сложившиеся в рамках той же дунайско-иллирийской традиции. Их массовое распространение связано с тем, что хотя аварские нападения не уничтожили традиции предшествующего времени на Балканах, ситуация, в которой они продолжали развиваться, существенно изменилась. Один из показателей этого процесса – замена массового производства стандартных литых изделий большим числом немногочисленных серий, среди которых все большее место занимают варваризованные подвязные образцы.

Оценивая работы С.Уенце и Дж.Янковича следует отметить, что в них предложены возможные объяснения существующим фактам, но для того, чтобы однозначно подтвердить или опровергнуть высказанные наблюдения, материала явно не достаточно. Тем не менее, показательно сближение позиций упомянутых исследователей как в вопросе общей датировки литых дунайско-иллирийских фибул, так и в смысле отказа от их сравнения с подвязными лишь в контексте “прототип – дериват”. Все это совпадает с наблюдениями, изложенными в части 1 данной статьи. Совпадает с высказанными мной гипотезами и внимание к западно-балканским изделиям и специфике византийской культуры V-VI вв. для решения проблемы формирования подгруппы литых дунайско-иллирийских фибул. Представляется важным и общее признание необходимости изучения дунайско-иллирийских фибул, их детальной типологии, а также близость в вопросе о круге важных для нее признаков.

Судя по использованным обоими авторами материалам, им были неизвестны публикации А.Хараламбиевой. Это привело к недооценке материалов северо-восточных балканских провинций Византии. Что, впрочем, довольно трудно компенсировать и сейчас, поскольку свод болгарских находок, очевидно, не завершен, а о памятниках, с которыми они связаны, по имеющейся в печати информации судить довольно трудно. Не менее актуальной является и полноценная публикация западно-балканских находок, так же как анализ этнокультурных традиций этого района в позднеантичный период. В частности, речь идет о преодолении взгляда на провинциально-византийскую культуру как нечто гомогенное и о невозможности оценивать варварский компонент на севере Балкан лишь как гото-гепидский или лангобардский (например, особого внимания требуют материалы, на которые обратила внимание И.Чремошник, особенно в контексте последовавших за тем открытий Дж.Янковича⁴ и ряда других югославских ученых [21; 22]).

Дунайско-иллирийские литые фибулы в Восточной Европе

В данном случае термин “Восточная Европа” используется несколько условно. Речь идет о находках на памятниках, относящихся к славянской культуре или иным варварским группам, расположенным к северо-востоку от Нижнедунайского лимеса Византии. То есть, пользуясь терминологией византийской историографии, здесь рассматриваются находки с территории “Скифии” и земель “склавинов” в рамках расселения последних в VI веке.

К настоящему времени с очерченной территории известны находки дунайско-иллирийских литых фибул с 12 памятников. Сведения о них представлены в данном ниже каталоге. Описание вещей дается в соответствии с частью 1 данной статьи (см. также рис. 1). Местоположение рассматриваемых вещей отражено на карте (рис. 2), где они пронумерованы соответственно каталогу.

1. Рипнев (рис. 4, 1), прорисовка с оригинала; тип III, вариант 3.67, уникальна; найдена

⁴ Обзор Дж.Янковича готовится к печати в материалах VI Международного конгресса славянской археологии в Новгороде.

на поселении с материалами пражской и одной из групп черняховской культуры. По сведениям автора раскопок В.Д.Барана, она находилась в слое над черняховским жилищем XI, хотя следует отметить, что в трех метрах восточнее расположено жилище X с материалами пражской культуры [23, с. 117, план на с. 20]. В Музее археологии Львовского университета эта находка хранится вместе с этикеткой, где обозначено место "кв. 24-Г", то есть рядом с жилищем IX, относящимся к пражской культуре. Правда, стоит иметь в виду, что часть этикеток в этой коллекции не имеет вещей и наоборот. Как бы то ни было, комплекс древностей, к которому относится интересующее нас изделие, может быть оспорен.

М.Б.Щукин первый сопоставил эту находку с византийскими литыми фибулами VI в. Однако, возражавший ему В.Д.Баран [22, с. 142-143, там и литература вопроса] совершенно справедливо указал на своеобразие рипневской фибулы в сравнении с обычными нижнедунайскими. Но и предлагаемая украинским ученым ранняя дата (V в.) не может считаться убедительно обоснованной. Рипневская находка, несомненно, принадлежит дунайско-иллирийской группе фибул, а особенности ее пропорций и орнаментации находят наибольшее соответствие у изделий обсуждавшегося выше западно-балканского – северо-итальянского круга (некоторые примеры см. на рис. 4). Все это позволяет оценивать рипневскую застёжку как образец немногочисленных ранних серий подгруппы дунайско-иллирийских литых фибул, вероятнее всего западно-балканских, и датировать около середины VI в., вполне вероятно эпохой юстиниановских войн с готами Италии, в которых участвовали и славянские наемники, или славянских набегов на Византию в конце 540-х – начале 550-х гг.

Данная оценка расходится с мнениями С.Уенце и Дж.Янковича. Немецкая исследовательница рассматривает находки в Рипневе и Вольтаго как специфические образцы в рамках форм, характерных для нижнедунайского лимеса Византии [19, с. 156, прим. 107], но не приводит в пользу этого никаких аргументов. Югославский исследователь ставит рипневскую находку в контекст единичных образцов, производившихся после аварских нападений середины 580-х гг. лишь из-за не серийности этого изделия. Представляется, что решение вопроса зависит от определения круга стилистических соответствий рипневской находке. Доступный мне материал заставляет оценивать ее как относительно раннюю и тяготеющую к образцам, характерным для западной, а не восточной, части Балкан.

2. Бухличский хутор (рис. 5, 1), прорисовка с оригинала; тип I, вариант 5.33, уникальна; найдена как подъемный материал на поселении пражской культуры в ходе исследований В.С.Вергей и А.В.Йова, которым приношу благодарность за возможность работать с находкой. При малых размерах фибулу характеризует весьма широкая спинка и редкое сечение дужки. Хотя отмеченные признаки встречаются на отдельных дунайско-иллирийских фибулах (некоторые примеры см. на рис. 5, 1-10), подобное сочетание не имеет прямых соответствий среди доступного для данной работы материала. Вероятно, эта, самая северная среди известных находок литых дунайско-иллирийских фибул, принадлежит редкой немногочисленной серии, охарактеризовать которую в настоящее время затруднительно. Дату изделия пока можно определить лишь в рамках хронологии группы в целом: середина – вторая половина VI века.

3. Черновка (рис. 6, 1), прорисовка с оригинала; тип I, вариант 1.65, украшена гравировкой. Найдена в ходе раскопок экспедиции Черновицкого университета на древнерусском городище. Благодарю автора раскопок И.П.Вознега за возможность работать с находкой

[24]. Близка выделенному Дж.Янковичем в работе 1980 г. варианту А, по его мнению – одному из наиболее архаичных, но отличается более крупными размерами. В диссертации Дж.Янкович предложил более детальное рассмотрение фибул с таким сечением, но данный экземпляр (как и некоторые другие, что отмечено югославским коллегой) не соответствует ни одному из выделенных им узких вариантов.

А.Хараламбиева, объединяя фибулы с подобным сечением в вариант 1, не обращает внимания на размеры, а они у подавляющего большинства северо-болгарских находок меньше, чем у черновской (рис. 1 – варненская серия). Схожие размеры среди фибул, опубликованных болгарской исследовательницей, в северо-восточной Болгарии имеет экземпляр из Смядово, так же как черновский украшенный гравированными кружками в рамочке. Особенности орнамента сближают эту и черновскую находки с вариантом А.3 Дж.Янковича, объединяющего пять находок крупных размеров (длиной ок. 7,5 см) из Перника (рис. 6,5-7,9). Но в том же Пернике, и в других пунктах, есть фибулы меньших размеров, но очень близкие указанным по характеру орнамента и исполнению деталей (рис. 6,8,11). Похоже, что в данном случае, как и у фибул дробетской серии, синхронно существовали несколько стандартов.

Размеры и количество псевдовитков черновской находки наиболее близки выделенному Дж.Янковичем варианту А.2, четыре образца которого найдены в Царичинграде, два – в районе Железных ворот и один, хранящийся в Бухаресте, не имеет точной локализации. Говоря о распространении фибул с пластинчатой дужкой, следует отметить и известные в западной части Балкан находки вроде образца из Кранье (рис. 6,12).

В отношении датировки вещей, близких экземпляру из Черновки, можно согласиться с наблюдениями Дж.Янковича о том, что фибулы с прямоугольным сечением принадлежат наиболее архаичному пласту дунайско-иллирийских литых застеек. В подтверждение этого тезиса можно указать и на прототипы орнамента, частого на литых фибулах с прямоугольным сечением дужки. Представляется, что окружности, вписанные в рамку, восходят к переработкам изображений человеческих лиц, не редких на некоторых типах римских Т-образных фибул конца IV-V вв. (например, рис. 6,13,14). Не менее обычен для позднеантичных фибул и мотив набегающей плетенки. Очевидно, черновский образец не может рассматриваться среди исходных в кругу фибул этого разряда, но нельзя оценивать его и как завершающий их типологический ряд.

Таким образом, состав аналогов делает наиболее вероятной оценку черновской находки как связанной с западной частью ареала литых дунайско-иллирийских фибул, а положение в типологическом ряду делает наиболее приемлемой датировку около третьей четверти VI столетия.

4. Среднее Поднепровье, более точное местонахождение установить не удалось (рис. 6,4), известна по фотографии из архива В.П.Петрова, предоставленной Е.Л.Гороховским, которому я приношу благодарность; тип I, вариант 1.65. Общетипологически близка находке из Черновки (каталог № 3), хотя отличается отсутствием орнамента и некоторыми деталями. По сумме признаков наиболее соответствует варианту А.2 по Дж.Янковичу. Очевидно, среднеднепровская находка принадлежит западно-балканским сериям третьей четверти VI в.

5. Бакеу (рис. 5,8), дана по своду Г.Дан Теодора [5, кат. № 2, рис. 6.9]; тип I, вариант 4.40; комплекс сопутствующих находок опубликован неудовлетворительно, хотя понятно, что на памятнике есть славянские материалы, наряду с местными позднеримской традиции. Румынский исследователь относит данный экземпляр к довольно нечеткому

варианту 1а. Подобные находки соответствуют варианту 4 по А.Хараламбиевой, весьма частому в Северной Болгарии. Встречаются подобные вещи и западнее. Стоит отметить, что близкая рассматриваемой находка из Прахово на фоне многочисленных образцов, известных в районе Железных ворот, оценивается Дж.Янковичем как, вероятно, привозная. Все эти наблюдения совпадают с местом данного экземпляра по материалам графика (рис. 1). Характер сечения спинки и относительно малые размеры в сравнении с ближайшими аналогами – свидетельства относительно поздней даты. Местонахождение близких по основным признакам экземпляров (как рис. 5,7) и всего круга аналогов позволяют считать, что фибула из Бакеу изготовлена на территории Северо-восточной Болгарии и датируется последней третью VI в.

6. Сучава Шипот (рис. 3,1), дана по своду Г.Дан Теодора [5, кат. № 14, рис. 6.5]; тип I, вариант 4.55; найдена на поселении пражской культуры с материалами VI-VII вв. По типологии А.Хараламбиевой этот экземпляр, как и рассмотренный выше, соответствует варианту 4. В более гибкой системе Дж.Янковича фибулы, подобные сучавской, принадлежат относительно позднему (в основном 570-е гг. по предлагаемой им системе абсолютных датировок) варианту 3. Г.Дан Теодор выделяет их в весьма компактный типологический вариант 1в. Некоторые ближайшие аналоги сучавской находке в соответствии с определениями Дж.Янковича и Г.Дан Теодора приведены в верхнем ряду рис. 3. В аналитической части данной статьи приведены аргументы за отнесение таких изделий к поздним вариантам дробетской серии. Относительной массивностью ножки и скупостью орнамента находке из Сучавы особенно близки экземпляры из Пятра Фрекацей, Михайловац, одна – из коллекции В.Кулича. Все это позволяет связывать фибулу из Сучавы с изделиями, широко распространенными по всему Нижнему Подунавью, относящимися к поздним разновидностям дробетской серии и датированных ее финалом, условно – около последней трети VI в.

7. Ханска (рис. 3,11), дана по своду Г.Дан Теодора [5, кат. № 12, рис. 6.8] и крупной фотографии из отчета о полевых исследованиях И.А.Рафаловича, за предоставление прориси по этой рукописи я благодарю моих коллег из Молдавии; тип I, вариант 4.60; найдена в культурном слое поселения с материалами пражской и пеньковской культур. Г.Дан Теодор относит ее, как находку из Бакеу и многие другие, к варианту 1а. В более чувствительную схему Дж.Янковича она не вписывается, что специально отмечено этим исследователем. По Д.Хараламбиевой фибулы с подобным сечением дужки относятся к варианту 4. Для болгарских, как и югославских находок с подобным сечением дужки, характерны меньшие размеры в сравнении с экземпляром из Ханска. Среди доступного материала относительно крупные размеры и скругленные грани на спинке имеет лишь фибула из Долище, своеобразие которой отмечает и А.Хараламбиева [11, с. 38]. Но и этот образец, судя по ряду деталей, не может рассматриваться в рамках одного узкого варианта с находкой из Ханска. Все же представляется, что сумма признаков рассматриваемого экземпляра позволяет отнести его к относительно поздним вариантам в рамках группы и датировать около второй половины или последней трети VI в. Происхождение экземпляра из Ханска следует, судя по всему, связывать с какой-то немногочисленной нижнедунайской серией.

8. Звонецкое (рис. 5,12), в данной работе оценивалась по рисунку О.М.Приходнюка, которому приношу благодарность; получена в ходе исследований А.В.Бодянского на памятниках, содержащих разнородные материалы; сведения о комплексе, сопровождавшем эту находку, не доступны; тип I, вариант 4.60, уникальна. Ножка, покрытая

рифлением, такая как на звонецкой находке, для дунайско-иллирийских литых фибул не характерна, хотя и встречается в единичных малочисленных вариантах, распространенных севернее или западнее основного ареала византийских литых фибул (Бырлалешть, Вольтаго – рис. 5, 11-13; 3, 4). Украшение ножки фибул рельефными поперечными валиками и иными приемами, создающими схожий эффект, довольно часто встречается на воинских фибулах V – первой половины VI вв. на северо-западе Балкан, а также еще западнее или севернее [18]. На территории Болгарии мне известны лишь два экземпляра (рис. 5, 14-15), не связанных с местными традициями и не получивших здесь развития.

Другой специфический признак находки из Звонецкого – длинный “рог” на головке – для дунайско-иллирийских литых фибул не характерен. Зато это одна из особенностей западно-балканской серии широкопластинчатых фибул, типичных для культуры Коман VII-VIII вв. На ряд аналогий материалам этой культуры в Поднепровье, Подонье и на Северном Кавказе неоднократно обращалось внимание в литературе [8, с. 26-28; 25]. Данное сопоставление все же не дает оснований считать находку из Звонецкого относящейся к VII или VIII в. Во-первых, поскольку прочие признаки этой вещи вполне соответствуют характеристике дунайско-иллирийских литых фибул. Во-вторых, поскольку не ясно время и детали происхождения роговидных выступов на головке фибул, в данном вопросе можно указать на находку из погр. 61 могильника Книн (рис. 5, 16), датируемую по пряжке середины – второй половиной VI в. [4].

Отсутствие прямых аналогов и типологическая неоднозначность признаков находки из Звонецкого позволяет датировать ее в рамках группы в целом, исключив лишь круг наиболее архаичных вариантов, то есть – около второй половины VI в. А приведенные наблюдения над деталями позволяют считать это изделие свидетельством западнобалканско-среднеднепровской “дуги” культурных взаимосвязей, весьма активной в VII в. [15, с. 163], но начавшей складываться, по-видимому, раньше.

9. Бырлалешть (рис. 5, 11), дана по своду Г.Дан Теодора [5, кат. № 4, рис. 6.6]; тип I, вариант 4.48, уникальна; найдена на памятнике с компонентами славянской и иных культур VI-VII вв., сведения о сопровождающем находку комплексе не доступны. Ее своеобразие отмечено Дж.Янковичем [6, с. 173], хотя характеристика в диссертации рифления на ножке этого изделия как уникального случая не учитывает экземпляра из Звонецкого и некоторых других вещей (каталог № 8). Г.Дан Теодор относит находку из Бырлалешть к варианту 2а, объединяя с существенно отличающимися вещами лишь на основании отсутствия имитации подвязки и без особой аргументации датирует около конца VI – начала VII в. Рифленая ножка ставит рассматриваемую фибулу в ряд свидетельств упомянутой выше западнобалканско-среднеднепровской “дуги”, пролегающей к северу от Нижнего Дуная. Прочие признаки экземпляра из Бырлалешть (небольшие размеры в сочетании со схематизированной орнаментацией и характером сечения спинки) указывают на относительно позднюю дату этого изделия – около последней трети VI в.

10. Сэрата Монтеору (рис. 5, 18, 19); погр. 173 и 671, даны по У.Фидлеру [26, с. 83, рис. 11, 8, 11], детальное определение затруднено из-за фрагментарности находок, происходят с могильника, содержащего материалы славянской VI-VII вв. и иных культур, в том числе многие вещи византийско-балканского круга. Оба фрагмента принадлежат относительно небольшим изделиям, вероятно, относящимся не к ранним вариантам (около последней трети VI в.?). Фибулы, характеризующиеся признаками, соответствующими тем, что фиксируются на обломках из Сэрата Монтеору, имеют достаточно многочисленные аналоги в Нижнем Подунавье (см. каталог №№ 5, 6, 11).

11. Тыргшору Вехи – Прахово (рис. 5, 17), дана по своду Г.Дан Теодора [5, кат. № 20, рис. 7.7]. Сохранившийся фрагмент не позволяет провести полноценный типологический анализ. Все же можно утверждать, что это изделие типа I, скорее всего варианта 4.45, широко представленного находками в районе Железных ворот (рис. 2). Условная дата – последняя треть VI в.

12. Кэзэнешть, не опубликована, известна по упоминанию в работе Г.Дан Теодора [5, кат. № 6], который отнес ее к варианту 1в, как и экземпляр из Сучавы (см. каталог № 6). Этот вариант румынского исследователя типологически довольно компактен, что позволяет предполагать для рассматриваемого экземпляра аналогичную сучавской находке оценку, относить к дробетской серии и датировать около последней трети VI в.

К кругу рассматриваемых изделий Г.Дан Теодор отнес и весьма своеобразную фибулу из Борниш [5, кат. № 5, рис. 6.12]. Но, судя по рисунку, это одночленная фибула, хронология и культурная атрибуция которой требует особого рассмотрения. Во всяком случае, она, очевидно, не относится к подгруппе литых дунайско-иллирийских.

В заключение обратимся к некоторым особенностям распространения рассмотренных фибул. Оказывается, что наиболее отдаленные от византийских границ находки принадлежат редким вариантам (каталог №№ 1-4, 8). Там, где возможно определить ближайшие аналоги, они указывают на западно-балканский круг изделий и относительно раннюю дату. Относительно поздние образцы, наоборот, концентрируются ближе к лимесу (каталог №№ 5-7, 9, по-видимому, и 10-12) и имеют в основном ближайшие нижнедунайские аналоги. Очевидно, отмеченная тенденция отражает два этапа взаимоотношений славян с Византией в VI веке. Более детальная работа с каждым экземпляром и привлечение иных источников позволит конкретизировать предложенные наблюдения не только в отношении изучения особенностей различных славянских группировок эпохи расселения, но и помочь в понимании истории балканских провинций Византии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Almgren O. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialromischen und sudrussischen Formen. Leipzig, 1923.
2. Uenze S. Gegossene Fibeln mit Scheinumwicklung des Bügels in den östlichen Balkanprovinzen // Studien zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archaologie. München, 1975. Teil II.
3. Bejan A. Un atelier metalurgic din sec. VI. e.n. de la Drobeta – Tumu Severin // Acta Musei Naposensis. 1976. XIII.
4. Vinski Z. Kasnoanticki starosjednosti u Salonitanskoj regiji prema archeološkoj ostavštine predslavenskog supstrata // Vjesnik za archeologiju i istoriju Dalmatinsku. 1974. 69(1967).
5. Teodor Dan Gh. Considerații privind fibulele romano-bizantine din secolele V-VII e.n. în spațiul Carpato - Dunăreano - Pontic // Arheologia Moldavei. 1988. XII.
6. Янкович Дж. Позднеантичные фибулы VI-VII веков и славяне // Raports du IIIe Congrès International d'Archeologie Slave. T.2. P:atšlava, 1980.
7. Јанковић Т. Придунавски део области Аквиса у VI и почетком VII века. Београд, 1981.
8. Горюнов Е.А., Казанский М.М. О происхождении широкопластинчатых фибул // КСИА. 1978. Вып.155.
9. Вакуленко Л.В., Приходнюк О.М. Славянские поселения I тыс. н.э. у с.Сокол на Среднем Днестре. Киев, 1984.
10. Генчева Е. За типологическое развитие на късноримските фибули с подвито краче в Южна България // Археология. 1989. № 4.
11. Хараламбиева А. Два типа късноантични фибули във Варненския музей // ИНМВ. 1989.

- Кн.25(40).
12. Хараламбиева А., Атанасов Г.Ат. Фибулы от V-VI в. в Шуменския музей // ИНМВ. 1991. 27(42).
  13. Curta F. Die Fibein der Samlung "V.Culica" // Dacia. 1992. XXXVI.
  14. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР. М., 1966.
  15. Гавритухин И.О. Пальчатые фибулы пражских памятников Поднестровья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991.
  16. Гавритухин И.О., Приймак В.В. Пальчатая фибула из Малой Рыбицы // Раннеславянский мир. Вып.3 (в печати).
  17. Щербакова Т.А., Шукин М.Б. О двух стилях в ювелирном искусстве черняховской культуры (по материалам днестровско-прутского междуречья) // Древности юго-запада СССР. Кишинев, 1991.
  18. Schulze-Dorrlamm M. Romanisch oder Germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust und Bügelknopffibein des 5. und 6. Jahrhunderts n.Chr. aus den Gebieten westlich des Rheins und sudlich der Donau // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz, 1986. 33.
  19. Vinski Z. Betrachtungen zur Kontinuitatsfrage des autochtonen romanisirten Etnikos in 6 und 7 Jahrhundert // Problemi della civita e economia Longobarda. Biblioteca della civita, economia e storia. Milano, 1964. N121.
  20. Uenze S. Die spatantiken Befestigungen von Sadovec. München, 1992.
  21. Čremošnik I. Ranoslavensko Jazbine u Batkoviču kod Bijeljine // Godišnjak ANU Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 1977. XV.
  22. Čremošnik I. Die Untersuchungen in Mušiči und Žabljak // Wissenschaftliche Mittelungen des Bosnisch-herzegowinischen Landesmuseums. Sarajevo, 1975. Bd.V-A.
  23. Баран В.Д. Черняхівська культура. Київ, 1981.
  24. Возний І.П. Чорнівське городище XII-XIII ст. (Матеріальна культура, господарство та побут). Дис. ... канд. іст. наук. Чорнівці, 1993.
  25. Чаусидис Н. Накит "Комани" культуре, негова иконографија симболика и обредни карактер // Гласник одјелена умјетности. Црногорска АНУ. 1992. 11.
  26. Fiedler U. Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau. Bonn, 1992.

GAVRITUKHIN I. O.
FIBULAS OF BYZANTINE TYPE IN EASTERN EUROPE
Summary

In this article we examine fibulas consisting of two parts with an arbalest-shaped spring with low taut rope tied up or imitating a garter, and, what is more characteristic, a receiver, put far from the stem. In profile it gives a "U-shape" form. O. Almgren paid attention to it, singling out such fibulas in 160-type of his VI group [1, P. 77]. Such wares are concentrated in the Danube provinces of Byzantium, but some of them are found in zones, where there was the influence of the culture of the population in these parts. The finds the furthest from the Byzantine borders belong to the rare variants (Catalogue NN 1-4, 8). In cases where it is possible to define the nearest analogies they indicate to the western-Balkan type of wares and relatively early date. On the contrary, relatively late samples are concentrated closer to limes (Catalogue NN 5-7, 9, and, apparently, 10-12) and have mainly the closest Lower Danube analogies. Obviously, the mentioned tendency reflects two types of relations between the Slavs and Byzantium in the 6th century. More detailed work with every sample and attraction of other sources will make possible to render concrete the suggested observation not only in respect to the study peculiarities of different Slavic groups of the epoch of settlement but to help in comprehension of the history of the Balkans provinces.

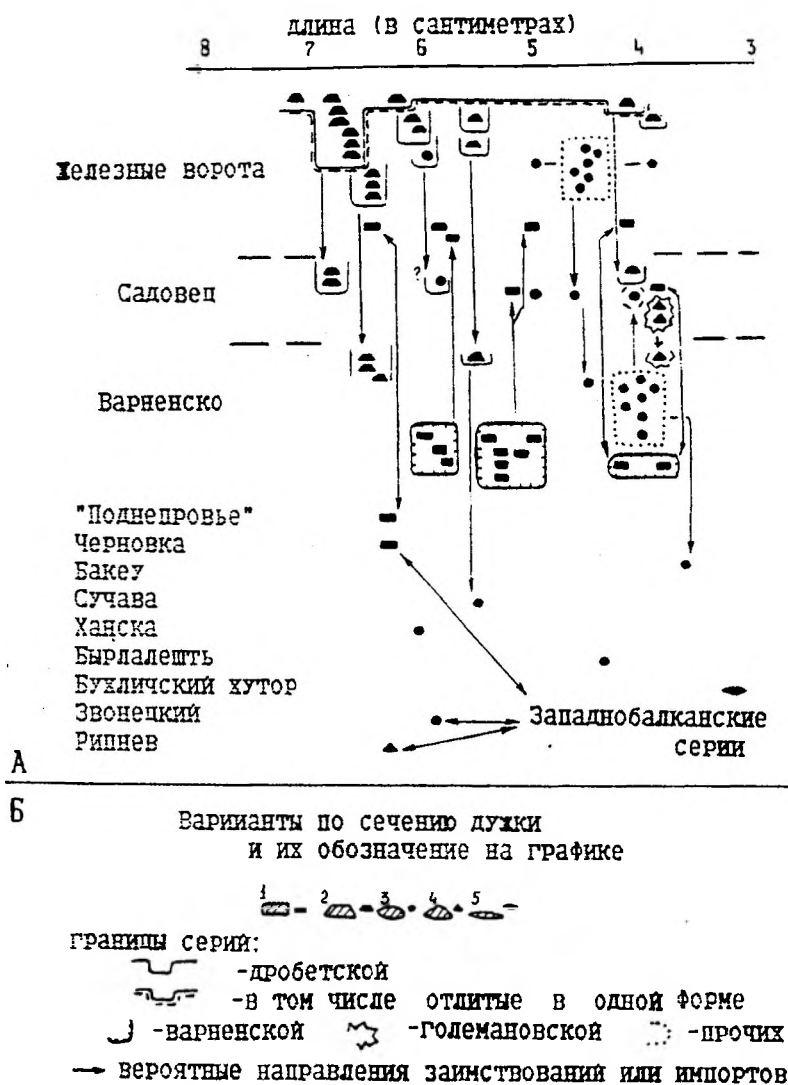
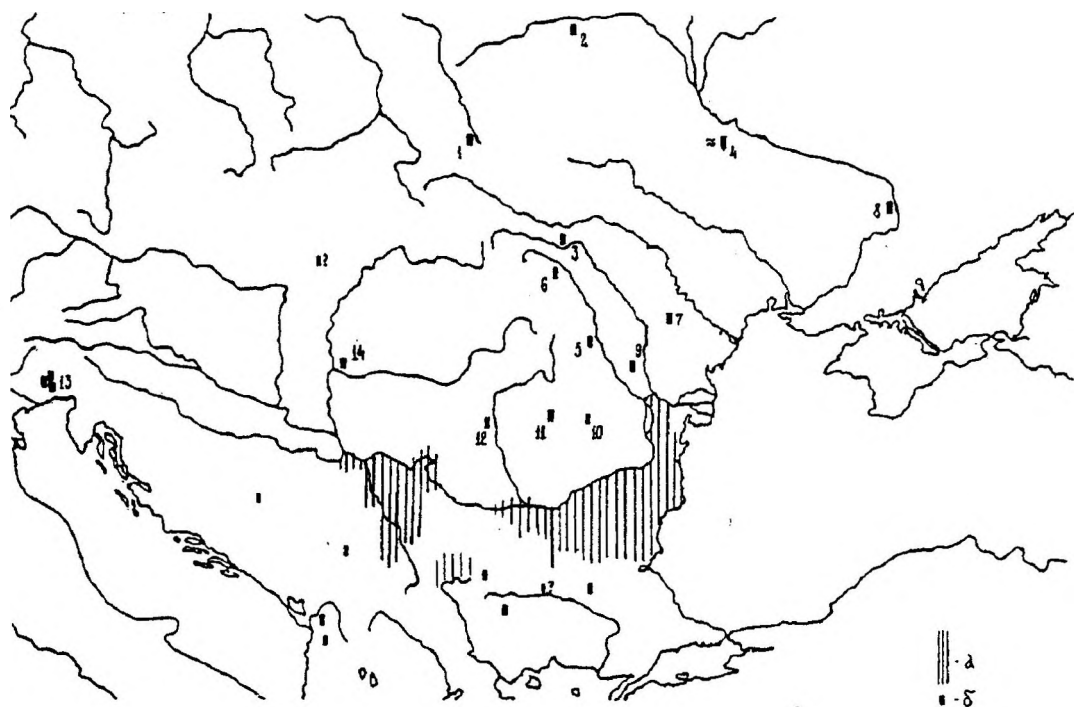

Рис. 1. Схема формализованного описания литых дунайско-иллирийских фибул.

Рис. 2. Распространение литых византийских фибул (по С.Уенце, А.Бежану, Дж.Янковичу, Г.Дан Теодору, С.Генчевой – с дополнениями). 1 – Рипнев, 2 – Бухличский хутор, 3 – Черновка, 4 – “Среднее Поднепровье”, 5 – Бакеу, 6 – Сучава, 7 – Ханска, 8 – Звонецкое, 9 – Бырлалешть, 10 – Сэрата Монтеору, 11 – Тыргшору Вехи, 12 – Кэзэнешть, 13 – Вольтаго, 14 – Ходьмезовашарей.

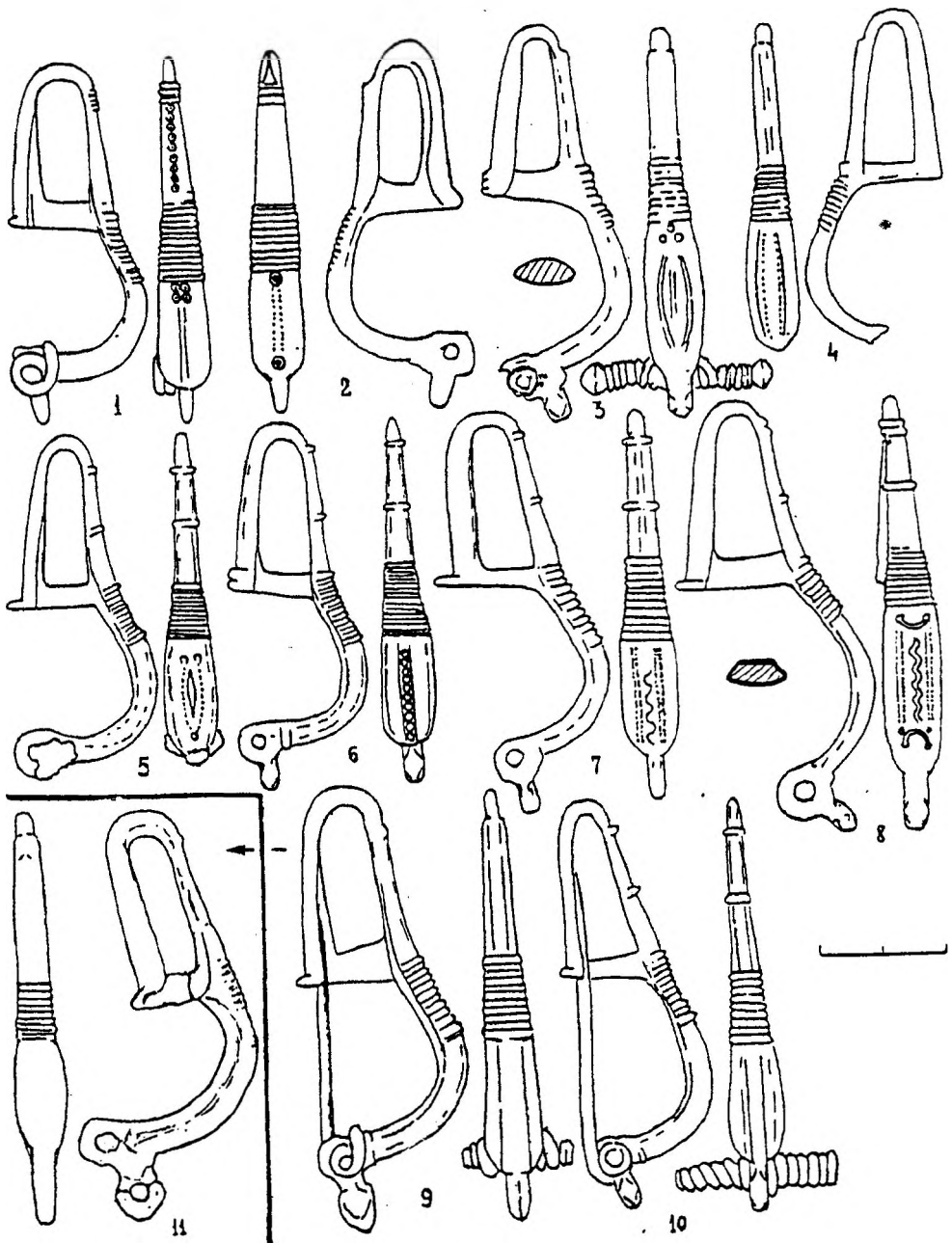
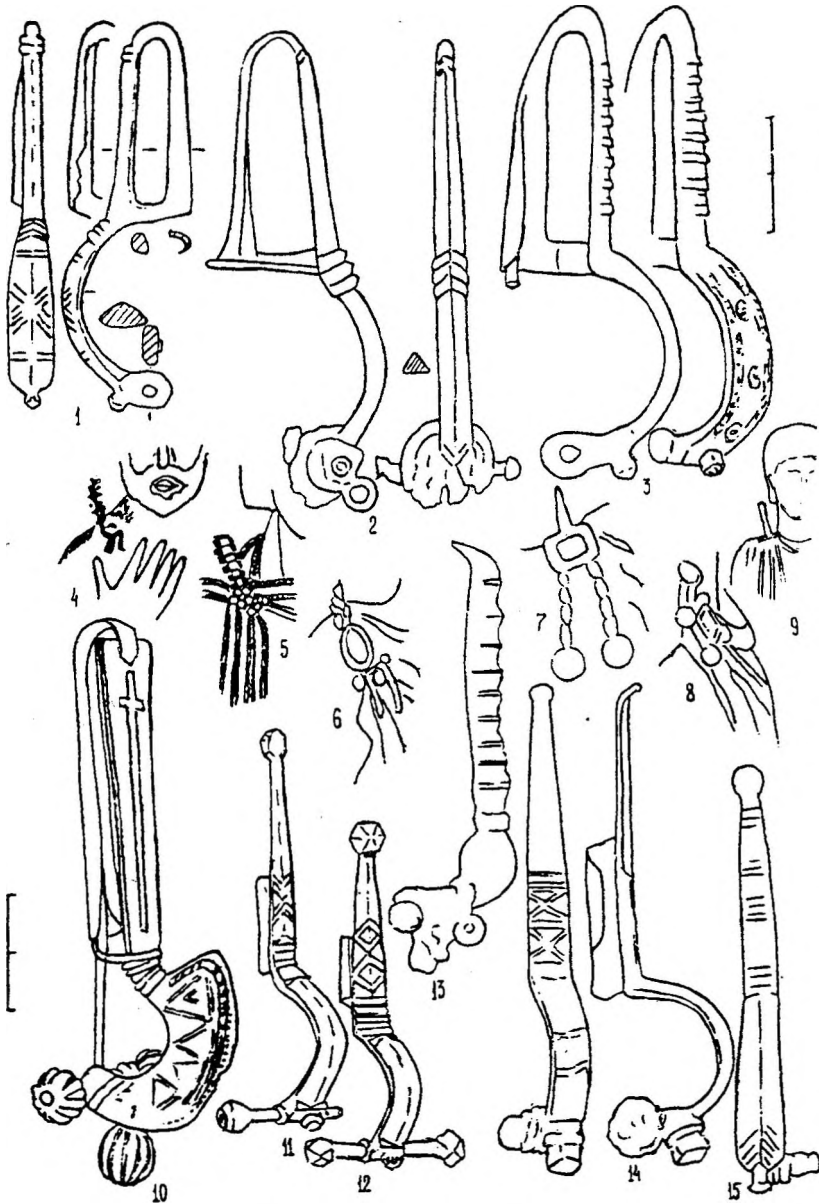

Рис. 3. Фибулы дробетской серии и образец из Ханска.
1 – Сучава - Шипот, 2 – Пьятра Фрекацей, 3 – Брза Паланка, 4, 7, 8 – Прахово, 5 – “Банат”, 6, 10 – Оршова, 9 – Клисуре Дунери, 11 – Ханска.

Рис. 4. Стилистический контекст происхождения дунайско-иллирийских фибул. 1 – Рипнев, 2 – Невша, 3 – Вольтаго, 4 – с фрески из катакомбы Сан Дженаро в Неаполе, 5 – с мозаики из церкви Сан Витале в Равене, 6 – с медальона с портретом императора Валента из Музея истории искусств в Вене, 7 – со скульптуры “Император” из Венгерского национального музея в Будапеште, 9 – с рельефа на колонне Феодосия в Константинополе, 10 – Иерусалим, находка в районе гробницы пророков, 10, 11 – Пула, 12 – Дебело Брдо, 13 – Пфаттен, 14 – “Пустерталь”.

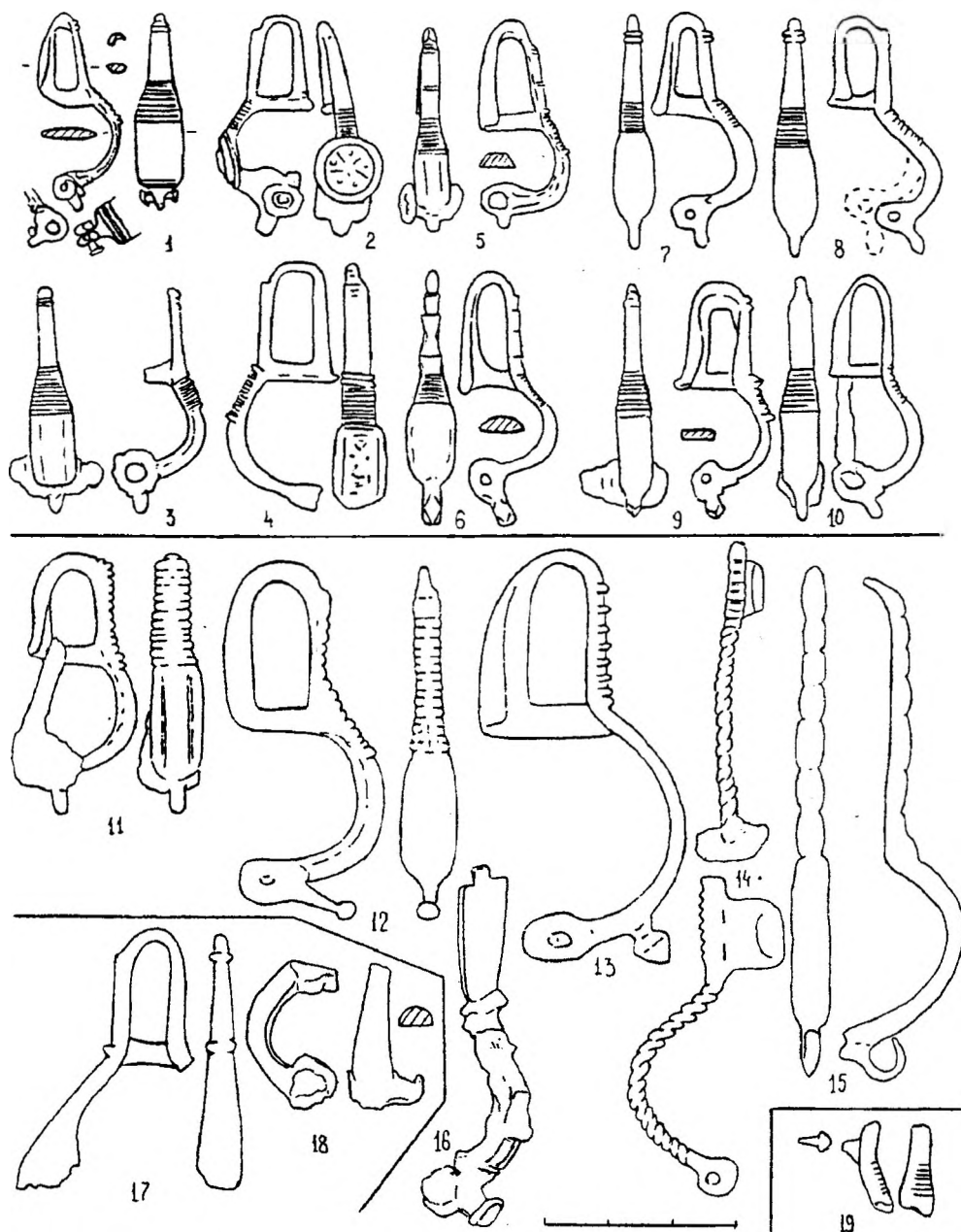

Рис. 5. Литые дунайско-иллирийские фибулы и некоторые соответствия их орнаментации. 1 – Бухличский хутор, 2, 4 – Прахово, 3 – Оршава, 5 – “Шуменско”; 6 – Арбит, 7 – Войниково, 8 – Бакеу, 9 – Венчан, 10 – Тропеум Трояни, 11 – Бырлалешть, 12 – Звонецкое, 13 – Вольтаго, 15 – Веселиново, 16 – Книн, 17 – Тыргшору Вехи.

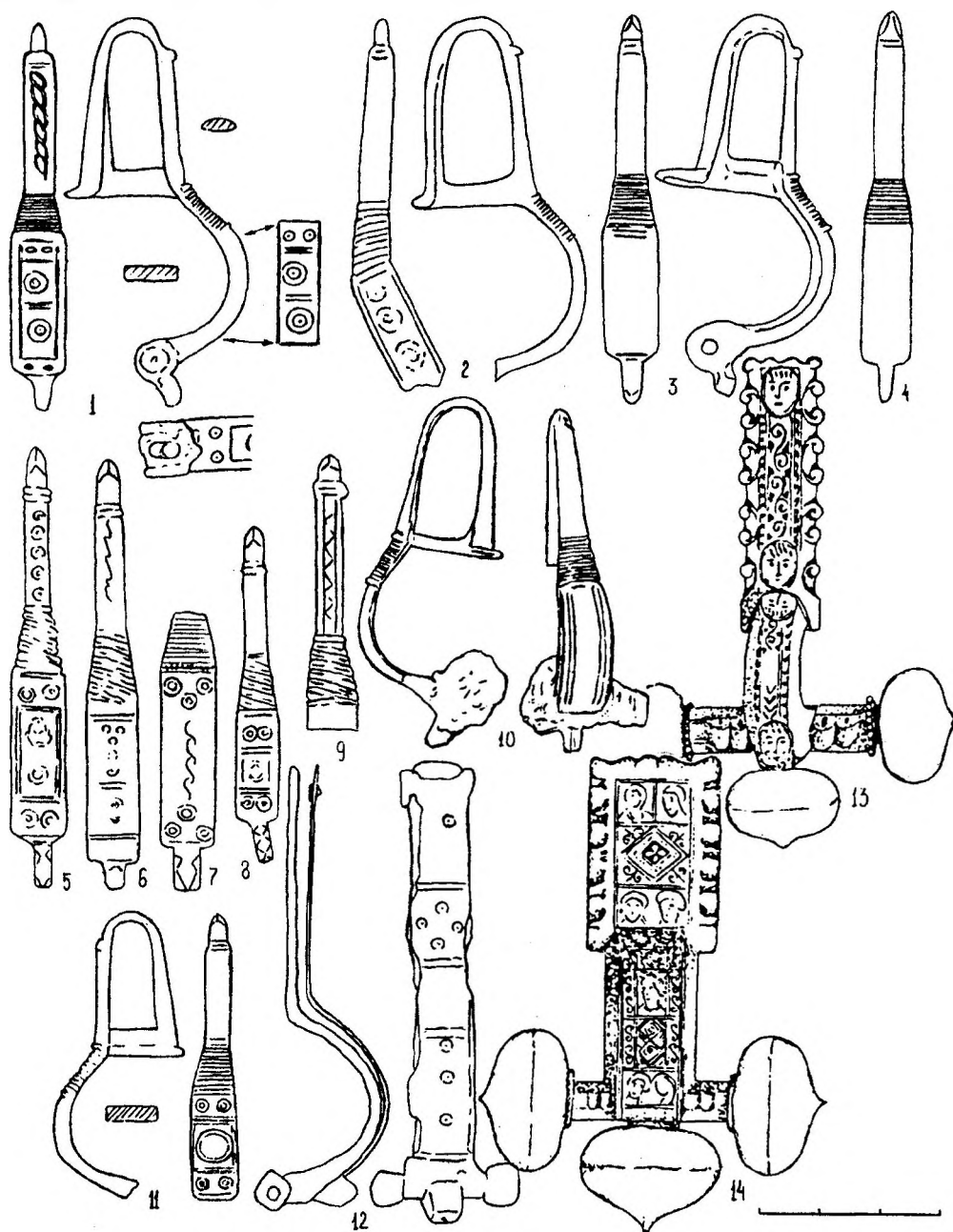

Рис. 6. Литые дунайско-иллирийские фибулы и некоторые соответствия их орнаментации. 1 – Черновка, 2 – Смядово, 3 – Царичин-град, 4 – “Среднее Поднепровье”, 5- 9 – Перник, 10, 11 – Прахово, 12 – Кранье, 13 – Осийек, 14 – Дрново.